

Архетип Ореста и его отражение в повести А. С. Пушкина «Пиковая дама» и в новелле Э. Т. А. Гофмана «Песочный человек»

В. А. Шубина, Е. Н. Михайленко*

Башкирский государственный университет

Россия, Республика Башкортостан, 450076 г. Уфа, улица Заки Валиди, 32.

**Email: mikhaylenko71@bk.ru*

Предметом анализа в настоящей статье являются архетипические мотивы «преступления», «рока», «расплаты» и «безумия», связывающие древнегреческий миф об Оресте с сюжетами повести А. С. Пушкина «Пиковая дама» и новеллы Э. Т. А. Гофмана «Песочный человек». Выявлена устойчивая связь образов Германна и Натанаэля с литературным архетипом Ореста, который может быть рассмотрен как их общий мифологический прототип.

Ключевые слова: литературный архетип, миф, Орест, Пиковая дама, Песочный человек.

Образ Ореста, прочно укоренившийся в мировой культуре, положил начало формированию новых структурно близких образов. Его можно считать архетипическим, если иметь в виду юнговское определение архетипа как «своего рода готовности снова и снова репродуцировать те же самые или сходные мифические представления» [9]. Так, литературный архетип Ореста является исходным для образа Гамлета. Одним из первых на это обратил внимание В. С. Соловьев в своем очерке «Жизненная драма Платона» (1898) [7, с. 600]. На структурную близость образов указывает ряд общих мотивов: «предательское убийство отца», «матерубийство», «месть», «безумие», «рок». Однако образ Ореста связан не только с шекспировским героем.

Исследователи уже усматривали черты архетипа Ореста в образе Германна, протагониста «Пиковой дамы» [3, с. 41], однако миф об Оресте «просвечивает» и в сюжете новеллы Э. Т. А. Гофмана «Песочный человек». Цель статьи – рассмотреть ключевые архетипические мотивы, связывающие миф об Оресте с сюжетами названных произведений, и выявить глубинную связь образов Германна и Натанаэля с архетипом Ореста.

А. Б. Ботникова обратила внимание, что сходство «Пиковой дамы» и гофмановских произведений «бросалось в глаза еще современникам» [1, с. 98]. Это сходство проявило себя в выборе «загадочного главного героя», в «наличии фантастического элемента», а также в присутствии аналогичных ключевых мотивов [1, с. 98]. В «Пиковой даме» и в «Песочном человеке», как и в мифе об Оресте, присутствуют мотивы «преступления», «расплаты», «рока» и «безумия». Г. Г. Красухин отмечал, что в «Пиковой даме» «выра-

жают себя два нарратива – нарратив реалистического повествования и нарратив повествования мифологического» [4, с. 389]. Они обнаруживаются и в новелле Гофмана.

Рассмотрим мифологический план двух произведений. Первым архетипическим мотивом предстает мотив «преступления и наказания». За убийство матери Ореста преследовали эринии – богини мести в древнегреческой мифологии [5]. Эринии символизировали угрызения совести и нередко, преследуя преступника, сводили его с ума. Они карали не только убийц, но и клятвопреступников, алчных и пораженных гордыней людей. Так что приводит Натанаэля и Германна к безумию? За что они наказаны?

Согласно тексту «Пиковой дамы», на совести Германна «по крайней мере три злодеяствия» [6, с. 504]. По концепции Михаила Евзлина, это покушение на запретную тайну трех карт, проникновение в тайну «хтонической» природы графини и убийство особого рода [3, с. 39–40]. Преступление Германна отягощается тем, что, с точки зрения мифа, он становится «матерубийцей». По мнению исследователя, Германн, не являясь кровным родственником Анны Федотовны, становится ее сыном «через тайну» [3, с. 41].

При анализе сюжета «Песочного человека» обнаруживается, что Натанаэль, как и Германн, повинен в трех преступлениях. Во-первых, он не может бороться с желанием прикоснуться к потусторонней тайне: «...желание самому – самому исследовать эту тайну, увидеть баснословного Песочника, возрастало во мне год от году» [2, с. 7]. В мифологическом нарративе вторым «злодейством» Натанаэля можно считать сочиненное им стихотворение. Слагая стихотворение о собственной гибели и потере любовного счастья, Натанаэль играет со смертью [2, с. 23]. И, наконец, финальным преступлением Натанаэля становится предательство: влюбившись в Олимпию, он забывает Клару. Более того, он становится клятвопреступником, ведь перед отъездом Натанаэля они «клялись вечно пребывать в непрестанной любви и верности» [2, с. 25]. Именно за нарушение клятвы могли покарать человека мифические эринии. Интересен и тот факт, что в письме к Лотару Натанаэль косвенно сравнивает себя с Францем Моором, героем пьесы Фридриха Шиллера «Разбойники», который берет на себя два страшных греха «отцеубийство и братоубийство»: «...я нахожусь в таком же безумном отчаянии, в каком Франц Моор заклинал Даниеля» [2, с. 6]. Возможно, Натанаэль неосознанно ощущает вину за гибель отца. Он даже размышляет о мести Коппелиусу: «Я решил хорошенько с ним переведаться и отомстить за смерть отца, чего бы то ни стоило» [2, с. 13]. Но Натанаэль так и не реализует до конца модель поведения Ореста, ведь месть не совершается. Однако в финале новеллы Натанаэль пытается убить Клару, в которой очень сильно материнское, созидательное начало, и этим символически уподобляется Оресту.

Как и в мифе об Оресте, в сюжетах «Пиковой дамы» и «Песочного человека» очень важен мотив «рока». Злой рок изначально тяготеет над героями. «Гляжу на роковую пелену, скорбя // О жребии отцовском и о роде всем», – произносит Орест в трагедии Эс-

вила [8, с. 158]. Действие неотвратимого рока подтверждает и Электра: «Всех рок ведет – // И вольных, и живущих под чужой рукой» [8, с. 127]. В «Пиковой даме» ночь, когда Германн становится причиной гибели графини, не случайно названа А. С. Пушкиным «роковой» [6, с. 506]. После этого судьба Германна уже predetermined: пиковая дама становится символом неумолимого рока. Символом рока для Натанаэля в «Песочном человеке» выступает Коппелиус. Именно встречи с ним заставляют героя почувствовать, что в его жизнь вторглись силы, которым он не в состоянии противостоять: «темное predetermined и впрямь нависло надо мною» [2, с. 11].

В названных произведениях очень ярко прослеживается и мотив «расплаты». Когда Натанаэль слышит смех Копполы, он предполагает, что такая радость вызвана тем, что он переплатил за стекло: «я слишком дорого заплатил за эту маленькую подзорную трубку – слишком дорого заплатил!» [2, с. 28]. Но сколько ужасающего смысла в этой простой фразе! Это подтверждает «леденящий душу, глубокий, предсмертный вздох», который слышит Натанаэль [2, с. 28]. Герой уверяет себя, что это он так вздохнул, но почему же Гофман использует эпитет «предсмертный»? Натанаэлю грозит безумие и скорая гибель. Слова «смерть», «смертельный», «смертоносный» повторяются неоднократно. Германн также должен заплатить жестокую цену за смерть графини. Он чувствует, что за раскрытие тайны, которая может быть сопряжена «с дьявольским договором», необходимо заплатить [6, с. 503]. Но, заполучив вожделенный секрет трех карт, он предполагает, что уже покрыл его «стоимость»: «Все мысли его слились в одну, – воспользоваться тайной, которая дорого ему стоила» [6, с. 508]. Однако в финале Германн «платит» своим рассудком.

Следует подробно рассмотреть и само изображение «безумия», настигающего героев. Орест в трагедии Эсхила чувствует приближение эриний как приближение ужаса: «Мыслей бешеных // Не удержать мне... К сердцу подступил и песнь // Заводит Ужас» [8, с. 158]. Германн также испытывает ужас, увидев усмешку пиковой дамы: «- Старуха! – закричал он в ужасе» [6, с. 510]. Чтобы описать состояние Натанаэля, Э. Т. А. Гофман использует метафору: «И тут безумие впустило в него огненные свои когти и проникло в его душу, раздирая его мысли и чувства» [2, с. 36]. Примечательно, что эринии изображались с длинными острыми когтями, которыми они терзали своих жертв. Кроме того, их голоса часто сравнивали с ревом скота и собачьим лаем, а речь Натанаэля переходит в «ужасающий звериный вой» [2, с. 37]. Когда Орест видит «свору мстящей матери», он восклицает: «О Феб – владыка! Множится их сонмище... // Из глаз их кровь сочится и поганый гной...» [8, с. 159]. Перед тем, как сойти с ума, Натанаэль, подобно Оресту, видит «кровавые глаза, устремившие на него неподвижный взор» [2, с. 36]. Интересно, что у Натанаэля с Германном, как и у Ореста, безумие принимает женский образ. У Натанаэля оно связано с очами любимой девушки. Безумие Германна принимает облик усмехающейся старухи, пиковой дамы.

Таким образом, связь героев «Песочного человека» и «Пиковой дамы» с архетипическим образом Ореста прослеживается через мифологические мотивы «преступления», «рока», «расплаты» и «безумия». Есть все основания рассматривать архетип Ореста как мифологический прототип образов Натанаэля и Германна.

Литература

1. Ботникова А. Б.: Э. Т. А. Гофман и русская литература (первая половина XIX века). К проблеме русско-немецких связей. Воронеж: Издательство Воронежского университета, 1977. С. 208.
2. Гофман Э. Т. А. Песочный человек. Избранное: Рассказы / Пер. с нем. М.: ИД Комсомольская правда, 2007. С. 360.
3. Евзлин М. Космогония и ритуал. М.: Радикс, 1993. С. 337.
4. Красухин Г. Г. Фольклорные и мифологические мотивы в творчестве Пушкина // Преподаватель XXI век. 2013. Т. 2. №4. С. 386–397.
5. Мифологический словарь // Гл. ред. Е. М. Мелетинский. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 672. URL: <http://myths.kulichki.net/> (дата обращения: 4.05.2018)
6. Пушкин А. С. Избранные сочинения. В 2-х томах. Т. 2 М.: Художественная литература, 1978. С. 686.
7. Соловьев В. С. Жизненная драма Платона // Соловьев В. С. Сочинения в 2 т. Т.2. М.: Мысль, 1988. С. 582–625.
8. Эсхил. Трагедии. М.: Наука, 1989. С. 609.
9. Юнг К.-Г. Психология бессознательного. М.: 1994. URL: <http://www.aquarun.ru/psih/soul/soul5.html> (дата обращения: 4.05.2018).

The archetype of Orestes and its reflection in the short stories “The Queen of Spades” by A. S. Pushkin and “The Sandman” by E. T. A. Hoffmann

V. A. Shubina, E. N. Mikhaylenko*

Bashkir State University

32 Zaki Validi Street, 450074 Ufa, Republic of Bashkortostan, Russia.

**Email: mikhaylenko71@bk.ru*

The subject of analysis in this article are the archetypal motives of “crime”, “fate”, “reckoning” and “insanity”, linking the ancient Greek myth of Orestes with the plots of the short stories “The Queen of Spades” by A. S. Pushkin and “The Sandman” by E. T. A. Hoffmann. The stable connection between the characters of Hermann and Nathanael with the literary archetype of Orestes is revealed, which can be considered as their common mythological prototype.

Keywords: literary archetype, myth, Orestes, The Queen of Spades, The Sandman.